

УДК 1:001; 001.8

ББК 6

ПРАВОВОЙ НИГИЛИЗМ В РОССИИ: МИФЫ И РЕАЛИИ

ПАВЕЛ ПЕТРОВИЧ МАРЧЕНЯ,

заместитель начальника кафедры философии
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя,
кандидат исторических наук, доцент
Научная специальность 09.00.11 — социальная философия
E-mail: marchenyap@mail.ru
Рецензент: доктор философских наук, доцент С.Р. Аблеев

Citation-индекс в электронной библиотеке НИИОН

Аннотация. Критикуется популярный миф о «правовом нигилизме» как якобы устойчивой характеристике русского народа, его культуры и истории. Указывается на доминирующую роль массового правосознания в отечественной системе взаимодействия власти и общества в ситуациях реального «исторического выбора» (системных кризисов, смут и революций). Негативизм массового сознания рассматривается как функциональное проявление механизма самозащиты исторически конкретной цивилизации. Употребление термина «правовой нигилизм» переосмыслено в контексте проблемы цивилизационной идентичности.

Ключевые слова: правовой нигилизм, правовая культура, массовое правосознание, массы, смута, революция, кризис.

Annotation. In this article the popular myth about “legal nihilism” as a strong characteristic of Russian nation, its culture and history is criticized. The dominating role of mass legal sense in native system of authorities and society interaction in situations of real “historical choice” (system crisis, distempers and revolutions) is showed. Negativism of mass legal sense is considered as a functional demonstration of self-protection mechanism of historically particular civilization. The term “legal nihilism” is reinterpreted concerning the civilization identify problem.

Keywords: legal nihilism, legal culture, mass legal sense, mass, distemper, revolution, crises.

Проблема теоретической оценки конкретно-исторических особенностей русского народа, его цивилизации и культуры приобретает особое звучание в ситуации обострившегося информационного противостояния России и Запада, в условиях резкой актуализации политической мифологии как средства дискредитации цивилизационного оппонента, когда «битва за умы и души... становится решающим фактором в защите исконного и естественного права страны на суверенитет и выбор собственного пути развития»¹. Растет, в том числе, и роль историософского осмысления русского правового сознания, его места в отечественной системе взаимодействия власти и общества. В таком контексте эта проблема может рассматриваться как одна из смыслообразующих, осевых тем современного проективного руссиеведения².

Тем не менее, в современной литературе сохраняется тенденция бесконечного некритического тиражирования мифа о якобы имманентном для нашего народа «правовом нигилизме» как устойчивой характеристике всей русской нации и ее истории. И миф этот выдается за аксиому социально-правового знания,

на основе которой строятся «убедительные» объяснительные модели «неразвитости», «отсталости» и «деформированности» общественного правосознания в России, не позволяющие последней счастливо влиться в «европейскую семью народов» и разделить идеалы и стандарты «высокоразвитой» западной цивилизации.

При этом, «естественно», под «нормальным», «здоровым» правосознанием подразумевается западное — то есть соответствующее западным правовым эталонам, выдаваемым за «общечеловеческие» ценности и «норму» для всех, в том числе и незападных, народов. Этот миф замешан на откровенно пренебрежительном отношении к самобытности отличных от Запада цивилизаций и своеобразию их культурных (в том числе правовых) ценностей, которые в случае нетождественности принятой на Западе «норме» объявляются «ненормальными», «деформированными» и нуждающимися (в лучшем случае) в «перевоспитании»³.

В теоретических построениях многочисленных эпигонов этого мифа (европоцентристского по происхождению — и американоцентристского по сегодняш-

нему реальному политическому наполнению) русское правосознание априори рассматривается как «нигилистичное», «недосформировавшееся», «неконструктивное», «пассивное» по отношению к позитивному праву и позитивной политике. Фактически, массовое правосознание в России объявляется вообще противоречащим «прогрессивному» (читай: западному) ходу истории, в результате чего оно вытесняется на периферию (если не за обочину) исторической социально-правовой практики и ее теоретического осмысления.

Однако в стратегическом русле целого ряда актуальных гуманитарных подходов сама история государства и права представляется внешним поверхностным проявлением внутренних скрытых процессов, подспудно вызревающих в толще сознания и подсознания народных масс, детерминированных конкретными ментальными основаниями. И проблема осмысления массового правового сознания в качестве фундамента всего политико-правового комплекса, субстанции самого бытия права и его истории становится одним из ключевых направлений современной общественной мысли⁴. В таком русле, более обоснованной выглядит исследовательская позиция, согласно которой массовое правосознание в России является по отношению к истории государства и права не вторичным феноменом, а одним из системообразующих факторов российской цивилизации, имеющим уникальную социокультурную специфику. Игнорирование последней обрекает на провал любые попытки проведения масштабных преобразований в российском обществе, если они вступают в «антирезонанс» с историческими реалиями⁵. Представляется очевидным, что причины подобных периодически повторяющихся системных провалов следует искать не в массовом «правовом нигилизме», а в действиях элит, которые не могут или не хотят обеспечить поддержку проводимой политики массами, в том числе массовым правосознанием.

Современные теоретики «правового нигилизма» русского народа и «деформированности» его правового сознания игнорируют давно известные факты, в том числе: что всякое правосознание всегда исторически конкретно, ибо «нет единых и одних тех же идей свободы личности, правового строя, конституционного государства, одинаковых для всех народов и времен, как нет капитализма или другой хозяйственной или общественной организации, одинаковой во всех странах. Все правовые идеи в сознании каждого отдельного народа получают своеобразную окраску»⁶; что «правовая и политическая жизнь должна быть верна своим глубоким, последним корням; а эти корни имеют духовную природу»⁷; что «феномен права нуждается в изучении не только в качестве абстрактной логической системы, удовлетворяющей неким всеобщим

критериям добра, справедливости, гуманизма, но и в аспекте конкретных культур, в которых право приобретает полноту своих жизненных характеристик»⁸; что «первенство тех или иных идей в смысловом каркасе правосознания зависит от факторов историко-культурного порядка» и необходимо «обратиться не к дистиллированному правосознанию юридической теории, а к живому правосознанию, актуализированному во всех аспектах “соприкосновения” с реальностью»⁹; что «несмотря на свой абстрактный характер, общественное правосознание всегда “заземлено” и генетически привязано к национально-историческим особенностям культуры, религии и социальной структуры конкретного государства и общества. И это позволяет нам говорить о российском правосознании, американском, немецком и т.д. И следовательно, каждый государственно-организованный народ имеет свое социально неповторимое общественное правосознание»¹⁰; и, наконец, — самое главное — «вопрос о том, что лучше: формально-юридическое, нормативистское и индивидуалистическое право — плоть от плоти западноевропейского культурно-исторического типа — или наше, как называл его Н.Н. Алексеев, «субъективное право», основанное на судейском (чисто соборном) усмотрении, на совести и на Боге, — это вопрос скорее не теоретический, а аксиологический, — вопрос цивилизационной идентичности»¹¹.

Выводы о господстве «правового нигилизма» в отечественной истории зачастую обосновываются тем, что «в России право всегда понималось не как свобода, а как принуждение, личность не являлась субъектом свободы, а должна была подчиняться сверхиндивидуальному началу, которое признавалось высшей ценностью»¹². Отсюда строится целая теория о том, что нигилизм не только выступает «в статусе своеобразной субкультуры российского социума»¹³, но и вообще лежит в основе самой культуры. Кроме того, давно сложилась сомнительная историографическая традиция антагонистического противопоставления права и нравственности внутри русского сознания, приводящего к логически ложным выводам: признание приоритетности этики по отношению к позитивному праву рассматривается как отрицание идеи права в целом, «этикоцентризм» соседствует с «правонигилизмом». Фактически, признание такого «раздвоения» равносильно диагнозу неизлечимой шизофрении русского правового сознания. Однако, как давно замечено (в том числе и русскими философами права, ощущавшими неудовлетворительное состояние проникнутой позитивизмом официальной юриспруденции и стремившимися к более глубокому постижению самой природы права¹⁴), право есть минимум этики — и обвинять этическое по преимуществу сознание российского

общества в отрицании этического минимума — по меньшей мере, бессмысленно. Другое дело, что этическое ориентировано на конструктивное (что — в идеале — должно быть), а правовое проявляется прежде всего в негативном — (чего — в реальности — быть не должно). И правовое сознание нигилистично по отношению не к праву, а к несправедливости, оно негативно ко всему, что осознается или переживается как несправедливое, неправо. А «тяга... к общественной справедливости и нравственной жизни» всегда «имела правовой смысл»¹⁵.

Умышленное или неосознанное злоупотребление «правонигилистическим» ярлыком нуждается в критическом осмыслении. Очень часто сам термин «правовой нигилизм» используется так, что — как точно подмечено в одной из небольших, но глубоких статей по этой теме, — оказывается «утраченной суть самого явления»¹⁶. А само явление суть «проявление определенного правосознания, признающего право, но понимающего его иначе — не так, как понимают его другие... Взаимная оценка культур может привести к непризнанию ценностей друг друга... речь здесь идет, с одной стороны, о недооценке одного типа правопонимания другим типом правопонимания, а с другой — об осознании недействительности, нереализованности в действительность своего собственного понимания права. Здесь одно право не признает другое, оценивает его как неправо, а само себя не находит воплощенным в жизни. Итак, правовой нигилизм есть результат оценки одной культуры другой»¹⁷.

Таким образом, употребление понятия «правового нигилизма» (как реального индикатора противоправных установок индивидуального и группового сознания) следует принципиально ограничить при характеристике целых цивилизаций и их исторических носителей. В истории реально не существует никаких «правонигилистических» народов — есть народы, которым пытаются навязать чужую, исторически чуждую им «правовую реальность». И в таком контексте одной из жизненно востребованных задач современного проективного россиеведения является осмысление мифа о русском правовом нигилизме как инструмента информационной войны.

В заключение отметим, что данная статья очень кратко, в тезисной форме, обобщает и подытоживает целую серию публикаций автора, и еще раз подчеркнем главное. Оторванные от жизненной практики теоретические представления о пассивности русского правосознания, о его равнодушии к праву — и тем более о его принципиальной правонигилистичности — убедительно и неоднократно опровергнуты самой российской историей. Напротив, в ситуациях реального «исторического выбора» (системных кризисов, смут и

революций)¹⁸ именно массовому правосознанию принадлежит доминирующая роль в отечественной системе взаимодействия власти и общества и в политической истории России в целом. Именуемый «правовым нигилизмом» негативизм массового сознания является функциональным проявлением механизма самозащиты исторически конкретной цивилизации — а наличие такого негативизма по отношению к неправо и несправедливому свидетельствует как раз о том, что национальное правовое чувство живо. Сам миф о «правовом нигилизме» как якобы устойчивой характеристике русского народа, его культуры и истории основан на нигилистичном отношении культурных агентов одной цивилизации к ценностям цивилизации другой. Употребление термина «правовой нигилизм» является аксиологической проблемой цивилизационной идентичности и одним из ее критериев¹⁹.

¹ Аблеев С.Р., Кузьминская С.И. Манипуляции массовым сознанием: политическая мифология и стратегия демонизации // Вестник Московского университета МВД России. 2015. № 5. с. 175.

² Марченя П.П. Русское правосознание как проблема проективного россиеведения // Социально-философский анализ правовой жизни общества. М., 2012. с. 149–162.

³ Марченя П.П. Парадоксы мифологии «правового нигилизма» в России // Закон и право. 2006. № 2. с. 20–22.

⁴ Марченя П.П. Общественное правосознание в отечественной истории // Вестник Московского университета МВД России. 2006. № 1. с. 158–160.

⁵ Марченя П.П. Массовое правосознание и победа большевизма в России. М., 2005.

⁶ Кистяковский Б.А. В защиту права (Интеллигенция и правосознание) // В поисках пути: Русская интеллигенция и судьбы России. М., 1992. с. 111.

⁷ Ильин И.А. О сущности правосознания. М., 1993. с. 133.

⁸ Синоков В.Н. Российская правовая система. Введение в общую теорию. Саратов, 1994. с. 45.

⁹ Малахов В.П. Философия права. М., 2002. с. 139, 124.

¹⁰ Вопленко Н.Н. Правосознание и правовая культура. Волгоград, 2000. с. 15.

¹¹ Даниелян К.Р. Традиция и правосознание (Историко-политологический аспект проблемы). М., 1999. с. 91–92.

¹² Медушевская Н.Ф. Правовой нигилизм в России // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 6. с. 25.

¹³ Чертищев А.В. К философскому осмыслению особенностей русского нигилизма // Философские исследования и современность. Вып. 4. М., 2015. с. 224.

¹⁴ Золкин А.Л. Ценностные основания права в отечественной философской традиции // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 1. с. 228–230.

¹⁵ Правовая система России в условиях глобализации и региональной интеграции: теория и практика. М., 2006. с. 472.

¹⁶ Лукьяненко Ю.В. Правовой нигилизм как одна из причин антиобщественного поведения // Территория науки. 2014. № 6. с. 102.

¹⁷ Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. № 2. с. 27–28..

¹⁸ Марченя П.П. Массовое правосознание как фактор рус-

ской революции 1917 г. // История государства и права. 2010. № 19. с. 20–22.

¹⁹ Марченя П.П. Массовое правосознание как критерий идентичности: «Две России» и миф о русском нигилизме // Групповая идентичность в истории и культуре: этнос, религия, социальный организм. М., 2011. с. 110–115.

¹ Ableev S.R., Kuz'minskaya S.I. Manipulyatsii massovym soznaniem: politicheskaya mifologiya i strategiya demonizatsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2015. No. 5. P. 175.

² Marchenya P.P. Russkoe правосознание как проблема proektivnogo rossieveniia // Sotsial'no-filosofskii analiz pravovoi zhizni obshchestva. М., 2012. P. 149–162.

³ Marchenya P.P. Paradoksy mifologii «pravovogo nigilizma» v Rossii // Zakon i pravo. 2006. No. 2. P. 20–22.

⁴ Marchenya P.P. Obshchestvennoe правосознание v otechestvennoi istorii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2006. No. 1. P. 158–160.

⁵ Marchenya P.P. Massovoe правосознание i pobeda bol'shevizma v Rossii. М., 2005.

⁶ Kistyakovskii B.A. V zashchitu prava (Intelligentsiya i правосознание) // V poiskakh puti: Russkaya intelligentsiya i sud'by Rossii. М., 1992. P. 111.

⁷ П'ин I.A. O sushchnosti правосознaniya. М., 1993. P. 133.

⁸ Sinyukov V.N. Rossiiskaya pravovaya sistema. Vvedenie v obshchuyu teoriyu. Saratov, 1994. P. 45.

⁹ Malakhov V.P. Filosofiya prava. М., 2002. P. 139, 124.

¹⁰ Voplenko N.N. Правосознание i pravovaya kul'tura. Volgograd, 2000. P. 15.

¹¹ Danielyan K.R. Traditsiya i правосознание (Istoriko-politologicheskii aspekt problemy). М., 1999. P. 91–92.

¹² Medushevskaya N.F. Pravovoi nigilizm v Rossii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2007. No. 6. P. 25.

¹³ Chertishchev A.V. K filosofskomu osmysleniyu osobennosti russkogo nigilizma // Filosofskie issledovaniya i sovremennost'. Vyp. 4. М., 2015. P. 224.

¹⁴ Zolkin A.L. Tsennostnye osnovaniya prava v otechestvennoi filosofskoi traditsii // Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii. 2013. No. 1. P. 228–230.

¹⁵ Pravovaya sistema Rossii v usloviyakh globalizatsii i regional'noi integratsii: teoriya i praktika. М., 2006. P. 472.

¹⁶ Luk'yanenko Yu.V. Pravovoi nigilizm kak odna iz prichin antiobshchestvennogo povedeniya // Territoriya nauki. 2014. No. 6. P. 102.

¹⁷ Nevvazhai I.D. Tipy pravovoi kul'tury i formy правосознaniya // Pravovedenie. 2000. No. 2. P. 27–28.

¹⁸ Marchenya P.P. Massovoe правосознание как faktor russkoi revolyutsii 1917 g. // Istoriya gosudarstva i prava. 2010. No. 19. P. 20–22.

¹⁹ Marchenya P.P. Massovoe правосознание как kriterii identichnosti: «Dve Rossii» i mif o russkom nigilizme // Gruppovaya identichnost' v istorii i kul'ture: etnos, religiya, sotsial'nyi organizm. М., 2011. P. 110–115.

Профайлинг в деятельности органов внутренних дел. Учеб. пособие. Гриф УМЦ «Профессиональный учебник». Гриф НИИ образования и науки. Под ред. В.Л. Цветкова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2014.

Рассмотрены теоретические основы и возможности практического применения технологий профайлинга в целях предотвращения противоправных действий посредством выявления потенциально опасных лиц и ситуаций. Показаны возможности использования направлений прикладной психологии для выявления лиц, имеющих противоправные намерения. Систематизированы представления о технологиях оценки личности на основе визуальной психологической диагностики; рассмотрены методы противодействия психологическому воздействию со стороны потенциальных преступников; раскрыты особенности коммуникации с объектами профайлинга; представлены методы психической саморегуляции эмоциональных состояний в деятельности профайлера; показаны пути развития навыков распознавания потенциальных преступников по их словесному портрету и типологии поведения.